

УДК 811.161.1'42

Лагутова Анастасия Сергеевна, магистрант
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
Москва, Россия
электронная почта: *lagutovaas@gmail.com*

Lagutova Anastasia, magister student
Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia
e-mail: *lagutovaas@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируются концепты в пространстве религиозного текста. На примере концепта «блаженный» показана трансформация внутренних значений концепта, а также смена оценочного знака в определенном виде дискурса.

Ключевые слова: религиозный дискурс; концепт; блаженный; богословское значение; теологический компонент.

PECULIARITIES OF CONCEPT ANALYSIS IN THE SPACE OF A RELIGIOUS TEXT

Summary. The article deals with the analysis of concepts in the space of a religious text. On the example of the concept "blessed" is shown the transformation of the inner meanings of the concept and change of the evaluation sign in a particular kind of discourse.

Key words: religious discourse; concept; blessed; theological meaning; theological component.

На сегодняшний день изучение концептов как ментальных единиц языковой картины мира является одним из ведущих направлений когнитивной лингвистики. Особый интерес для исследования представляет анализ концептов в рамках определенного дискурса.

Модель концепта не является устойчивой и определённой, её границы размыты, так как структура концепта представляет собой сложное многослойное образование. С течением времени наполнение концепта может претерпевать существенные изменения, и компоненты, находящиеся в одном его понятийном слое, могут перейти в другой. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин описывают концепт как комплексную единицу, которая «в процессе мыслительной деятельности <...> поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [1, с. 24].

Пространство религиозного дискурса представляет собой интересную область для исследования концептов, поскольку вне религиозного текста внутренняя форма лексемы может подвергаться семантическому сдвигу вплоть до изменения изначального коннотативного значения на прямо противоположное. В рамках данной работы, рассмотрим это на примере концепта «блаженный».

Слово *блаженный* в русских евангельских текстах появилось в результате перевода с древнегреческого на церковнославянский имён μακαρ/μακάριος [2, с. 894; 3, с. 1046-1047]. Этимологически *блаженный* является страдательным причастием от старославянского *блажити* ‘восхвалять’, ‘почитать’. Глагол *блажити* образован от *благо* (‘добро’, ‘счастье’) [4, с. 47-48]. Первое значение данного слова в частеречных словарях имеет сходное толкование. Так, в словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ), словаре русского языка (СРЯ) и словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даётся пояснение ‘в высшей степени счастливый’ [5, с. 622; 6, с. 96; 7], в словаре Д. Н. Ушакова – ‘счастливый, невозмутимо радостный’ [8, с. 151]. Прочие значения данного прилагательного указывают на его энантиосемию. Так, появляются толкования, реализующиеся в разговорной речи, ‘глуповатый, чудаковатый’ [8, с. 151; 6, с. 91]. Кроме этого, указывается и атрибуция к религиозному дискурсу: ‘название святых’ [8, с. 151], ‘юродивый, почитаемый святым’ [9, с. 119], ‘ведущий аскетический, праведный образ жизни и обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания; юродивый’ [5, с. 622].

В православных источниках лексическая единица «блаженный» выступает, в первую очередь, как субстантивированное прилагательное, указывающее на чин святости и употребляется с именем прославленного святого, например: *святая блаженная Ксения Петербургская, святой блаженный Иоанн Русский, святой блаженный Максим Московский* и др. В католицизме «блаженными» называют подвижников, прославленных в ходе беатификации, по отношению к которым не устанавливается общецерковное почитание.

В гимнографических текстах можно встретить слова с усилительными префиксами: «преблаженный», «всеблаженный», «богоблаженный», которые будут указывать на особый вид духовного подвижничества, стремление к Богу. По определению и сам Бог является блаженным (высший источник благости и счастья): «блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих» (1 Тим. 6: 14–15).

В языковом сознании православного человека ядро концепта «блаженный» семантически связано с его первоначальным значением (‘счастливый’) и во всей полноте раскрывается с позиции теоцентрического представления бытия. Блаженный – получивший от Бога благость, преисполнившийся божественным счастьем. Иными словами, блаженный – пребывающий в состоянии счастья, потому что приблизился высотой внутреннего звучания ко Всевышнему. Здесь уместно затронуть этимологический разбор слова «счастье». Счастье буквально означает ‘хорошая часть, доля’, хотя может пониматься и в значении ‘совместное участие’, что является важным компонентом позднецерковнославянского «причастный» [10, с. 816]. Опираясь на всё вышесказанное, можно выстроить семантическую цепочку: *блаженный – счастливый – с частью Бога – причастный к Богу*.

Характеристики причастности к Богу, определяющие состояние блаженства, были явлены Христом в Нагорной проповеди: блаженны нищие духом, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые и т.д. Однако,

как замечает С. Г. Воркачев, «блаженство как состояние святости складывается из целого ряда активных нравственных поступков и воздержаний от греха и зла» [11, с. 38] и в данном случае предикат «блажен» будет отсылать лишь к разовому пребыванию в статусе праведника, который характеризуется исполнением конкретной заповеди.

Подвиг блаженства или юродства воплощается шире, находится за гранью земного понимания и состоит в отказе от мирских благ, крайней аскезе, самоуничтожении и мнимом безумии для отречения от физической стороны жизни с целью приближения к истинам Божиим. На это нам указывают буквальное толкование Евангельских строк: «ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16: 24–26) и строк первого послания к Коринфянам апостола Павла: «если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3: 18).

Из словарных толкований видим, что в качестве синонима «блаженного» выступает «юродивый». Однако в евангельских текстах «юродивый» соответствует древнегреческому *μωρός*, что означает ‘глупый, неразумный’ [3, с. 845]. Данный факт указывает на то, что в пространстве религиозного текста происходит слияние смыслов, общие значения пересекаются в одном полисемантическом слове. Таким образом, блаженный, как счастливец, причастный к Богу, достигает этого состояния путём *не подвластным разуму*, глупым, чуждым для земного осмысления. Как пишет А. М. Панченко, «мудрая глупость» юродивого всегда одерживала победу, осмеивая «глупую мудрость» филистерского мира [12, с. 343]. Об этих не подвластных разуму подвигах «глупой мудрости» свидетельствуют агиографические источники, в которых часто описываются случаи обретения святыми божественного дара – прорицания или исцеления.

Функционирование концепта «блаженный» в различных видах дискурса неоднородно и характеризуется различной модальностью. Так, в религиозном дискурсе обращение к святому «блаженный» имеет положительное значение и вызывает теплые эмоции в сердцах верующих, отражая в их сознании сам факт приближения святого к Богу. Однако вне религиозного контекста концепт демонстрирует уже совершенно иной понятийный слой. Например, в обыденном дискурсе фраза «Да он блаженный!» имеет отрицательную коннотацию и звучит пренебрежительно, как насмешка.

Поскольку концепт динамичен и изменчив, его постоянное развитие способствует нарастанию новых смыслов и расширению периферийной области. Изначально ядро концепта «блаженный» составляли такие значимые ассоциации как *счастливый, радостный, святой*, а на периферии находились вторичные – *глупый, чудаковатый*, однако, как замечает И. В. Бугаева «при изменении сферы общения, основное и периферийное значения могут поменяться местами» [13, с. 250]. Изменение экстралингвистических факторов (таких, как активизация атеизма) привело к расширению смыслов и стало причиной существенного семантического сдвига внутри концепта.

Содержание концепта «блаженный» амбивалентно, его оценочность дискурсивно обусловлена. Так, в рамках религиозного дискурса доминирует положительная оценочность, за его пределами – отрицательная. Развитие концепта предопределено мотивирующими концептуальными признаками, содержание которых зафиксировано в этимоне.

В плоскости религиозной картины мира раскрываются глубокие сакральные смыслы концепта, обусловленные аксиологическими и философско-богословскими основами православия. В бытийной плоскости, лишенной сакрального базиса, основное значение концепта размывается и уходит на второй план, тем самым актуализируя периферийные и уже полярные значения. Так, в представлении человека, не живущего в христианской традиции и не знакомого с православным вероучением, блаженный будет представлять именно чудаковатого, ненормального, помешанного человека, но никак не святого, совершающего особый духовный подвиг, счастливец, приблизившегося ко Христу.

Таким образом, при анализе концептов в пространстве религиозного текста важно учитывать богословские значения многих понятий, погружаясь в их сакральную сферу. Поскольку значение слова дополняется новыми семами, в определенные периоды времени образная и понятийная составляющие концепта могут меняться. Так, на примере концепта «блаженный» мы увидели, как трансформируются смыслы и как меняется оценочный знак в определенном виде дискурса. Без восстановления теологического компонента концептов невозможно глубинное изучение религиозного дискурса, поскольку работа с позиции обыденного восприятия приведёт к искажению истинных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. изд. 4-е. стер. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 101 с.
2. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь [Электронный ресурс]. 2000. URL: http://slavdict.ru/_0894.htm (дата обращения: 7.04.2022).
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М., 1958. Т. 2. 1904 с.
4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1991. Т. 1. 864 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1985-1988. Т. 1. 696 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] 1992. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 7.04.2022).
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1. 1567 с.
9. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд. доп. ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им В. В. Виноградова. М : Азбуковник, 2000. Т. 1. 975 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986. Т. 3. 832 с.
11. Воркачев С. Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризмы в русских переводах // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 34–45.
12. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. 464 с.
13. Бугаева И. В. Подвиг в современном языковом сознании русских // Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конф., Москва, 26-27 мая 2017 г. М., 2017. С. 249–250.